

Сergeй Яновский

Дом, где нет смерти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей ЯНОВСКИЙ

Дом, где нет смерти

«Автор»

2026

Яновский С.

Дом, где нет смерти / С. Яновский — «Автор», 2026

Молодой психиатр попадает на работу в военный городок. С первых дней он начинает понимать, что в доме, где его поселил, жильцов гораздо больше, чем числится в документах. Призраки неоднократно беспокоят его, потому что смерть не спешит забирать их в мир иной, а оставляет на долгие мучения в этом.

© Яновский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Яновский

Дом, где нет смерти

Глава 1.

...Наступила осень. Едва лето приказало долго жить, как по всему стало это ясно. Времена года сменились аккурат по календарю, выдалась осень до наглости ранняя. Листья начала тихо умирать и желтеть чуть не с середины августа, особого тепла так и вовсе не было с конца июля. Подули ветра, участились дожди – одним словом, осень. А ноябрь так и вовсе выдался лютый, добавив ко всему этому еще и страшный холод. Конечно, температура благочинно не опускалась ниже нуля, но сидела к нему нагло близко.

Никогда я не любил этого времени года. Одна погода чего стоит, да еще и это увядание природы? Особенно если учесть, что сам я – врач – то как-то все, связанное со смертью, меня не шибко вдохновляет. Впрочем, стоя на улице под зонтиком, мне грех было на что-то жаловаться. На это в полной мере имели право молодые солдаты, которым начальство приказало перетаскать в мою квартиру мебель. Вот они-то промокли до нитки, устали, но особо не жаловались на осень и на судьбу. То ли сами от природы не были нытиками, то ли ко всему уже привыкли на военной службе – не знаю, сам я не служил. Пусть я и врач, а здоровье мое тоже не во всем идеально. Хотя, если признаться, зрение мое было не так близко к критической отметке, но врач в военкомате посчитал, что снайпера из меня не выйдет.

Впрочем, в этом маленьком городке, находящемся дальше, чем в тысяче километров от моей исторической родины, никто не знает ни моего зрения, ни меня самого. Здесь были рады уже тому, что хоть один врач, пусть и свежеепеченный выпускник медицинской академии, согласился работать в этом месте.

По сути своей, это военный городок. Вернее, сам город разделен на две части: одна – «гражданская», вторая – тот самый военный городок. Если в последнем живут исключительно одни военнотружнющие и их семьи, то в самом городе, не обнесенном забором и вышками, те, кто этот военный городок обслуживает. Работает ведь там практически гражданское население: электрики, повара, сантехники, врачи военного госпиталя (в том числе и я сам), и так, по мелочи. То есть, в военном городке работает половина населения НЕ военного городка. Вторая половина работает на двух местных заводах: рыбоперерабатывающем и китайском заводе по сборке телевизоров. Причем поток миграции с одного завода на другой в поисках лучшей жизни, по слухам, почти непрерывный...

Когда бедные солдаты перетаскали мою немногочисленную мебель, я вошел в квартиру. В прошлый мой приезд она производила удручающее впечатление. Не было ни мебели, ни обоев, ни даже унитаза и ванны! Потолки были черные, розетка была вообще одна на всю квартиру и находилась в не самом удобном месте – в туалете! Для чего она здесь – остается лишь догадываться. Рядом с ней был старый котелок, который здесь заменяет центральное отопление. Полы частично сгнили, вместо хоть одной убогой люстры времен СССР (для моих скромных требований и этого бы хватило) – убогие лампочки производства Царской России времен Ивана Грозного. Батареи – и те сто лет не крашенные! Я могу жить по-спартански, но не до такой же степени!

Увидев мое выражение лица, генерал не стал дожидаться комментариев, а поспешил заверить:

- Через неделю все будет в ажуре! Как приедешь вселяться – офигеешь!

Услышав слово «офигеешь» из уст матерого генерала, выражением лица напоминающего грозный автомобиль «КРАЗ», я поверил. Не каждый день такую картину увидишь и услышишь!

Итак, я вошел в квартиру, дабы проверить обещание генерала. Он не соврал. Да, не соврал. Полы были целые, пусть и доски оказались разными по цвету – но мы ведь этого не уточняли! Значит – не соврал! Даже старое зеркало в коридоре повесили, в которое я смог увидеть свое офигевшее лицо. Кстати, тут он тоже не соврал – я действительно офигел...

В кухне у окна громоздилась газовая плита на четыре конфорки. Чистая, но ржавая, видимо, много лет хранилась в резерве. Стоял и столик на четырех ножках, явно сделанный кем-то из солдат на скорую руку. Под одной из ножек был подложен смятый листок бумаги, а покрашен сам стол в ярко-желтый цвет. Табуретки были обычные, хотя и выкрашены в тот же «цвет детской неожиданности». Батареи отопления выкрашены по-военному – в зеленый цвет. Только правая половина выкрашена в светло-зеленый, а левая, на которую у них не хватило краски, в темно-зеленый. Ближе к окну висела полка с посудой и рейка с черпаками. Даже карниз со шторами повесили! Но тут чувствовалась женская рука – шторы были самые обычные, придраться не к чему.

Зайдя в туалет, я увидел трон, возвышающийся на бетонном постаменте, не сразу поняв, что так гордо в квадратном санузле разместился унитаз. Ванна была поскромнее, да и слишком уж темная, чтобы стать заметной. Бойлер на стене смотрелся здесь чужим, лишним, и вообще сволочью, портящей всю картину... А вот вместо лампочки под потолком горели... две лампочки! Ладно, не графья...

В комнате на полу лежал ковер, у стены стоял старый диван, потемневший от времени, у стены стоял сервант – ровесник всей мебели, напротив дивана был столик, с двух сторон зажатый креслами. Сами кресла явно не так давно перетянули новой тканью, отчего смотрелись они ничуть не хуже новых. В углу возле окна стояла маленькая тумбочка, на которую так и просился небольшой телевизор, который я привез с собой. В целом, убранство комнаты вполне подходило под мои параметры в стиле «жить можно».

Вторая комната, дверь в которую была закрыта, оказалась маленькой, в ширину лишь на размах моих рук, да и в длину – чуть больше. Здесь был только какой-то стул, несколько пустых полок и не совсем к месту – маленький холодильник. Тоже сойдет.

Заперев дверь, я приступил к раскладыванию своих вещей. Первым установил телевизор, который занимал больше всего места, хотя и был раньше автомобильным. Затем закидал продукты в холодильник и водрузил на плиту две кастрюли, сковороду и чайник. Больше у меня и не было посуды. При моих кулинарных способностях я иногда задумываюсь: а зачем мне еще и вторая кастрюля?..

В квартире было холодновато, явно требовалось растопить котелок, но где взять дрова?

Словно в ответ на этот вопрос, в дверь постучали. Открыв, я увидел двоих крепких солдат, тут же отрапортовавших:

- Товарищ генерал приказал показать вам, где находится горючее и как топить котел.

Прифигев, я накинул ветровку и пошел за «инструкторами». В общем, к вечеру, когда на улице пошел дождь, в квартире было тепло, работал телевизор, а я доедал лично приготовленную яичницу. В это время в голове суетились и сходились в рукопашную разного рода мысли.

Например, зачем я сюда приехал, если и в родном городе мог спокойно жить и работать? Захотелось самостоятельности? Да я итак, в общем-то, от родителей не зависел. Приключений? Авантюристом тоже никогда не был. Если точно говорить, то мне просто ударила в голову какая-то хрень, сочетающая и перечисленные выше факторы, и что-то свое. Да и замаячила возможность посмотреть что-то новое, или... В общем, не знаю...

Поеживав, я решил немного прогуляться по городу. Знал я его плохо, но чем это не повод? Если мне предстоит побыть здесь не один год, то надо осваиваться. Накинув куртку, я

направился на улицу. Моросил мелкий дождь, день клонился к закату. Были сумерки, в которых этот маленький и сам по себе невзрачный городок казался и вовсе пережитком советских времен. Отчасти, так оно и было. Редкие прохожие на улице прятались под зонтами и спешили с работы домой. На меня, прикрывшего голову лишь капюшоном и неспешно вышагивающего по улицам, смотрели как на инопланетянина. Видимо, о размеренном образе жизни затурканые бытом люди успели подзабыть. Думаю, через месяц стану таким же.

Долго погулять мне не удалось: непогода заставила идти домой, дождь опять полил как из ведра. Возвращаясь уже в темноте, я видел свет в окнах всех домов. Кроме одного – того самого, в котором поселили меня. Эта старая трехэтажка смотрелась как-то безжизненно, лишь в одном окне я видел очень слабый свет за закрытыми шторами.

- Тебя здесь поселили? – Услышал я голос из темноты и вздрогнул. Говоривший вышел в свет уличного фонаря. Было ему лет тридцать, худощавый, с большим носом и сигаретой в зубах, одетый в старую камуфляжную форму. Протянув мне свою узкую ладонь, он представился: - Боря.

- Лёня. – Я пожал его холодную, как рыба, руку и поспешил ее отпустить.

- Врач новый? – Продолжал Боря.

- Ну да. – Кивнул я.

- И как тебе жилище? – Казалось, он знает что-то эдакое, о чем пока не спешит говорить.

- Убогонькое, но «черные риэлторы» и за такое удавят. – Обтекаемо ответил я, не зная, по сути, кто он вообще есть, этот Боря. – Жить можно.

- Первый день?

- Ну да, а что? – Его допрос начинал меня раздражать, да и мокнуть под дождем тоже не очень хотелось. Может, Борю просто жена выгнала курить во двор, вот ему и надо с кем-то потрепаться. Но я решил хоть как-то использовать эту ситуацию, потому и спросил: - А где остальные жильцы? Что-то я свет только в одном окне вижу.

- А нету их. Почти. – Боря выпустил носом табачный дым. – В том окне, вернее, в квартире той, бабка безногая лежит уже десять лет. К ней раз в день приходит Валька из собеса, утку выливает, комнату проветривает, кормит ее, хотя бабка поест и сама может. А свет на всем третьем этаже отрубили уж лет эдак пять назад, вот бабка свечи и жжет. Валька жалостливая, бабка просит на пенсию ее свечи покупать, а та еще и на свои прикупит. В твоём подъезде на втором этаже две семьи коммуналкой живут, но они то есть, а то и нету их. А больше тут и нет никого. Иногда в первый подъезд на пару дней жильцы бывшие приедут, посмотрят, что все на месте – и деру отсюда! Еще двое хозяев вообще редко показываются. В общем, пустой дом.

Боря бросил окурочок на землю и раздавил его носком кроссовки, затем снова протянул руку, а напоследок бросил:

- Но ты живи спокойно, в этом доме вообще никто не умирает! – При этом сделав акцент на слове «вообще». Через мгновение он уже скрылся в подъезде соседнего дома, стоящего на небольшом отдалении.

Почесав затылок через капюшон, я направился домой. Света в подъезде не было, пришлось привычно использовать мобильник в качестве фонарика. Кое-как отперев кривым ключом не менее кривой замок, я зашел в квартиру и запер дверь изнутри на щеколду. Трогать замок лишний раз побоялся, а то утром еще фиг выйду отсюда...

Повесив куртку в коридоре, зашел на кухню выпить воды, но тут же насторожился. Не сразу я понял, что показалось мне странным. Вроде бы ничего особенного, но... Тарелки были не в раковине, а стояли на столе, там же был и чайник. Убирал ли я это на стол? Что-то не припомню...

Пройдя по комнатам, я ничего странного не обнаружил. Попытался припомнить свои действия и мысли до прогулки. Бесполезно – витал где-то в астрале. Значит, вполне мог и сделать что-то, о чем теперь не помню. И логично, и понятно.

Котелок в туалете почти погас, но в квартире это все равно было самое теплое место. Конечно, на ванну я смотрел с сомнением – при ее цвете мыться в ней как-то не очень хотелось. Впрочем, сегодня банные процедуры и не входили в мои планы.

Раздевшись, я лег спать, хотя уснуть мне никак и не удавалось. Мысли были разные. Вспоминался и разговор с Борей, и свет в окне безногой старухи. Вот уж кому не позавидуешь. Сколько ж лет она живет взаперти! Да и как же страшно весь вечер лежать при свете свечи. Тут невольно всякие ассоциации в голову полезут!

Впрочем, с чего я решил, что она лежит? Может, старушка с упоением читает по вечерам «желтые» газеты и счастлива жизнью больше, чем я? Кто ж знает, это всего лишь моя фантазия. Хотя и этот вариант не казался мне реальным...

Укрывшись одеялом, я невольно поежился: в квартире все-таки холодно. Да и диван до жути неудобный, ощущение, что спишь на лежащих поперек тебя узких досках. Сон решительно не шел. Волновался я и насчет завтрашнего дня, первого на новой работе. Как встретят, как сам приживусь. Я ведь, по сути, еще и не работал врачом, если не считать ординатуру.

Поняв, что под тоненьким одеялом мне не согреться, я встал и накинул поверх одеяла еще и покрывало, которым днем накрыт диван. Улегшись под эту «броню», я хоть как-то смог согреться. Постепенно, мысли стали все путаннее, от них самих уже клонило в сон. И тут я услышал плач...

Глава 2.

Плакал явно не ребенок, а взрослая женщина. Плакала громко, навзрыд. Сначала я подумал, что это та самая безногая старушка, но вспомнил, что она-то живет в соседнем подъезде, а не в моем. А плач не умолкал, от него какой-то холод пробежал по спине, становилось совсем уж не по себе. Не знаю, что могло вызвать у взрослого человека такие бурные эмоции, но явно очень большое горе. Или психические неполадки со здоровьем – такое тоже бывает.

Плач иногда почти затихал, напоминая слабое скуление, то снова переходил в полный эмоций взрыв отчаяния. И вдруг – все затихло. Казалось, и не было этого надрывного плача.

Когда я снова сумел успокоить нервы и почти заснул, послышалась возня на кухне. Я напрягся. Это еще что? Воры? А что тут воровать-то? Наверное, мыши. Послышалось тихое позвякивание, видимо, хвостатые пытались найти на тарелках остатки еды.

«Надо завтра же поставить мышеловки!» - С этой мыслью я и заснул.

Проснулся я по будильнику в половине седьмого утра, замерзший и не выспавшийся. Кто хоть раз так просыпался, поймет, как мне не хотелось вообще вылезать из-под одеяла. Чтобы хоть как-то минимизировать неприятные ощущения от этого, я утащил с кресла штаны и футболку под одеяло и там же надел их. Может, не очень гигиенично, зато хоть вставал в теплой одежде. Правда, надо было еще одевать носки и шубу...

Выйдя в кухню, я поставил чайник на плиту, принес из холодильника (надо переставить его в кухню) кое-какие продукты и хотел уже взять тарелку, когда понял: а тарелок на столе уже и нет!

Они обнаружили – но уже на полке для посуды. То, что я их туда не ставил вчера вечером, я помню хорошо! Пока я в офигеннии чесал затылок, закипел чайник. Время поджимало, поэтому я быстро позавтракал и выскочил из дома, по пути на работу прокручивая все произошедшее в голове.

Сначала тарелки из раковины попали на стол. Сам я их туда поставил, или нет – в упор не помню. Но допускаю, что сам. А вот допустить в голову мысль, что Я переставил тарелки со стола на полку для посуды я ну никак не могу! Мистика!

А погода с утра выдалась ветреная. Спасибо хоть, что без дождя. Но желтые листья крутило ветром с такой силой, что весь город превратился в рой обезумевших желтых пчел. Все, что еще не успело сгнить на земле, было поднято в воздух, словно это не середина ноября, а самый разгар листопада.

Не пройдя и ста метров, я замерз и сильно пожалел, что не надел зимнюю куртку. Надеюсь, хоть в воинской части тепло и можно будет нормально отогреться. Иначе точно задубею...

Войсковую часть и военный городок ограждал могучий забор, на проходной стояли два дюжих хлопца с автоматами. Впрочем, с их габаритами и перочинный ножик был бы лишним, даже если идти в лобовую с танком.

Предъявив им пропуск, я услышал голос, лишенный всяких эмоций:

- Вам прямо, генерал ждет вас.

Пройдя на территорию военного городка, я ускорил шаг, поскольку начал капать дождь, а зонта у меня не было. В здание с гордой надписью «Администрация» я вошел без проблем, его никто не охранял. Найти генерала труда не составило, едва спросил первого встречного, как тот сказал, где находится нужный кабинет. Сам генерал Гарин спросил:

- Как на новом месте?

- Нормально, жить можно. – Формулировка была наиболее подходящей и точной.

Уладив все формальности, генерал подробно объяснил мне дорогу до госпиталя, хотя его и было видно из окна генеральского кабинета. Если б он еще так подробно объяснил мне, зачем

в маленьком военном городке так нужен психиатр, было бы просто замечательно. По-моему, все сдвиги по фазе у солдат врачи должны были бы выявить еще на призывной медкомиссии...

Выйдя снова на улицу, я попал под дождь и галопом понесся к госпиталю. Хотя здание это выглядело так убого, что в иных обстоятельствах бежать хотелось бы не к нему, а как можно дальше от него...

Здание явно было делом рук тех жопоруких строителей, что возвели множество подобных зданий по всей России, заглянув и сюда. Или, может, они отсюда и произошли? Именно из этого тихого местечка, отточив свое «мастерство», они и пошли уродовать города русские?..

За такими мыслями я, перескакивая через лужи, вмиг долетел до убогой двухэтажки из белого кирпича, потемневшей от дождей и времени. За белыми больничными шторами горел свет, но какой-то неприветливый, неживой. Правда, видел я это все мельком, но память моя слишком хороша, чтобы этого не запомнить.

Пройдя короткий темный «предбанник», я оказался перед длинным коридором и лестницей, на которой курили две медсестры. Увидев меня, обе удивленно захлопали накрашенными ресницами.

- Психиатр? – Удивленно спросила одна, невысокая блондинка, дохлая, как ручка от швабры.

- Он самый. – Я снял очки и протер их от капель дождя.

- Во, Маш, а нам говорили, хрен старый какой-то приедет! – Прокуренным басом сказала вторая, на вид – бестелесный Божий одуванчик. Внешность обманчива...

- Да не, Дунь, тот помер за неделю до этого, не дожил дедуля до приезда сюда. Но вроде как должен был какой-то алкоголик приехать...

- Милые дамы, где главврач? – Перебил я их споры, которые мне были по барабану.

- Второй этаж, в конце коридора, там на двери матом нехорошее слово солдаты написали, а сверху надпись «Главврач». – Пояснила Маша, я направился наверх.

Да уж, если табличка с надписью «главврач» уже была плохо видна, то легендарное во все времена русское слово из трех букв я увидел сразу. Постучав, услышал тихое:

- Войдите!

Открыл дверь, увидел небольшого лысого человека, уткнувшего лицо в монитор компьютера. Если вы думаете, что он печатал какие-то документы, то глубоко ошибаетесь: как и большинство крепко занятых людей, он раскладывал на компьютере пасьянс.

Мой приход был для него событием лишним, ненужным. Возле компьютера стояла чашка горячего кофе, у окна гудел обогреватель, голова занята игрой, ну на кой же фиг меня-то еще принесло сюда? Какая, все-таки, несправедливая штука, эта наша повседневная жизнь!

- Психиатр? – Спросил он, не поворачивая головы.

- Он самый, - Кивнул я, хоть мой кивок он и не видел, - Леонид Князев.

- Игорь Петрович, главврач. – Он, не поворачивая головы, протянул мне руку. Для меня этот жест всегда был крайним выражением неуважения, поэтому в долгу я не остался. Пожал главврачу руку так, что он вскрикнул и тут же повернулся. Уже лучше.

- С вашими клешнями хирургом работать, а не психиатром! – Недовольно сказал Игорь Петрович, потирая кисть. – Ладно, давай сюда свои бумаги!

Теперь уже главврач долго и нудно просматривал мои документы, забрал трудовую книжку и стал объяснять, где мой кабинет. Как оказалось, сижу я вместе с психологом, хотя многие считают, что психиатр и психолог – это одно и то же. Видимо, по этому принципу нас вместе и посадили.

- График генерал вам объяснял? – Напоследок спросил Игорь Петрович.

- Да, - кивнул я, хотя главного уже опять засосало в компьютер и меня он не видел, а лишь бросил дежурное:

- Желаю удачи на новом месте!

- Спасибо, - ответил я, хотя он меня уже не слышал. Маленький лысый человек ушел в большие дебри компьютера.

Закрыв дверь, я сдержался, чтобы не долбануть ею об косяк, после чего прошел чуть в сторону по коридору и постучал в дверь с табличкой «Психолог».

- Заходи, не заперто! – Донеслось из-за двери.

Я приоткрыл дверь. Первое, что бросилось в глаза – это пара плакатов на стене, ни к медицине, ни к психологии отношения не имеющие. На стенах были поклеены старые обои, у задней стены стоял диван, с двух сторон от него были потертые кресла, у окна стояли два стола, как бы лицом друг к другу. На границе столов стоял монитор компьютера, системный блок стоял на полу, а клавиатура лежала как-то боком, словно не могла решить, на чьей части стола ей удобнее. На подоконнике стоял белый электрочайник, возле одного из кресел была маленькая тумбочка, увенчанная высокой горой журналов. За ширмой в углу я увидел раковину и кран.

- Психиатр? – Поинтересовался крепкий парень лет под тридцать в очках с толстыми стеклами, - Я Саня, психолог.

- Леонид. – Я протянул ему руку, Саня встал с продавленного кресла и пожал ее, затем без обиняков сказал:

- Ты садись, расслабься и отдыхай, только главное – не спи, Петрович за это наорать может. А в остальном пациенты к тебе будут приходить очень редко. В основном – за справками на водительские права, ну иль на работу.

- А вообще? – Удивился я, - Городок-то приличный по размеру.

- Большая деревня! – Махнул рукой Саня, - Да и народ наш пока с зеленым человечком на брудершafft не выпьет, к психиатру не побежит. Скорее – связанным патруль приволочет. У нас милиции как таковой нет, за порядком солдаты следят, они же и всякие драки и буйства разгоняют.

Я сел на второе кресло, повидавшее явно еще царский режим. Да уж, работа тяжеленная!

- И чем тут весь день заниматься? – Поинтересовался я.

- Есть комп, правда, тормозит, на нем раньше Петрович играл, но какая-то игра компьютеру все мозги испортила. Тогда он его сюда отдал, а себе новый взял. Есть чайник, журналы от автомобильных до порнографических. Геннадий Семеныч их много накопил, пока не сделал вид, что умер.

- Не сделал вид? – Удивленно переспросил я, - Это как понять?!

- В смысле, умер он, земля ему пухом. Хороший мужик был, девяносто три года, а мог и выпить, и пошутить так, что путана любая покраснеет. Он месяц назад умер.

- Почему тогда он «сделал вид»? – Уточнил я.

- Да слухи это все! – Отмахнулся Саня, включив чайник, стоящий на подоконнике. – Много тут всего болтают. Говорят, больные его часто видят, ночью по больнице ходит.

- А ты еще сказал, что для психиатра здесь работы нет! – Покачал головой я.

- Ну, на всякий час самогоном не запасешься! – Резонно ответил Саня, чайник тем временем щелкнул, - Пить будешь? В смысле, чай?

- Можно, - я поднялся с кресла, - зря чашку с собой, что ли, пер в такую даль?..

Глава 3.

...Домой я возвращался уже в потемках. Зима на пороге, а в это время года день короткий. Холодно было просто невообразимо, до дома я чуть ли не скакал, чтобы совсем не окоченеть. Все-таки, пора доставать зимнюю куртку из резерва! На лужах поблескивал лед, звезд не было видно. Как бы еще снег не пошел!

Чувствуя, что замерз совсем, я с радостью обнаружил, что вижу в радиусе ста метров свой дом. Но эта радость чуть не была омрачена инфарктом, когда я услышал слева тихое:

- Привет, Леонид.

Вздвигнув, я повернул голову и увидел своего вчерашнего собеседника Бориса. Он опять курил в темноте, задумчиво глядя на мою убогую обитель.

- Свет во многих окнах горит. – Проговорил он, не догадываясь о моем желании стукнуть его чем-нибудь тяжелым по голове за такие шутки. – Жильцы дома.

- Ты ж говорил, что там нет никого! – Напомнил я, чувствуя, что начисто замерзли пальцы рук.

- Умерли. – Кивнул Борис, - почти все.

- А свет откуда? Мертвые зажгли? – Я хотел уже посоветовать ему зайти завтра ко мне на прием, но Борис со злостью растоптал окурки и пошел к себе, бросив в ответ:

- Не умирают там! - И скрылся в темноте.

Мне было не до обдумываний идиотизма этого человека, я поспешил в квартиру, освещая путь мобильником. Ну почему в подъезде так темно? Если здесь никого нет, то кто спер лампочку? Или, напротив, ее не повесили, посчитав, что она никому не нужна?..

Кое-как открыв проклятый замок, я зашел в квартиру, включил свет в коридоре и запер дверь на щеколду. Да уж, в квартире не теплее, чем на улице! Сбросив куртку, раскопал котелок, после чего взгромоздил на плиту чайник и стал переодеваться. Стук в дверь застал меня в футболке и плавках. Надев штаны, я поспешил к двери. Забыв о предусмотрительности, я открыл дверь.

В темноте стояла темная фигура с закрытой капюшоном головой. Машинально я шарахнулся назад, но фигура скинула капюшон и спросила:

- Извините, у вас спички есть?

Голос был женский и довольно приятный, как и лицо гостьи. Большие голубые глаза, чуть округловатое лицо, собранные в хвостик волосы. Довольно простое приятное лицо, чуть растерянное. Одета девушка была в длинную черную дубленку, из-под которой были видны только сапоги.

- Мне-то не жалко, а вы, простите, кто? – Поинтересовался я.

- Меня зовут Валя, я работница собеса. Патронирую одну из ваших соседок. Пришла к ней – а спичек нет, и я с собой не взяла.

Я протянул ей коробок спичек и спросил:

- Могу чем-то еще помочь?

Валя задумалась, затем окинула меня взглядом и задумчиво сказала:

- Человек вы, похоже, сильный...

- Есть немного. – Ответил я, не понимая, к чему она клонит.

- Мне два пакета мусора вынести надо, очень тяжелые. – Пояснила доблестная работница собеса.

- Без проблем, только обуюсь.

- Я бы вам советовала и куртку надеть, на улице минус три уже.

Последовав ее совету, я накинул куртку и последовал в соседний подъезд. Валя оказалась более предусмотрительной, чем я. В руке у нее дорогу подсвечивал не мобильник, а фонарик.

- Какая же сволочь лампочки все поворовала? – Проговорил я, в очередной раз споткнувшись на кривых ступеньках.

- В подъезде и электричество не проведено, так что лампочки и вешать бесполезно. Что-то наши коммунальщики, как всегда, не доделали. – Ответила Валя, за которой я поднялся по лестнице на второй этаж, - А на этом этаже и в квартирах света нет. Газ – баллонный, сама три раза таскала баллон наверх, грузчики вечно пьяные.

- Если еще раз привезете – позовите меня, так и здоровье угробить недолго! – Покачал головой я, а Валя отперла дверь квартиры.

- Ничего, я сама-то в селе выросла, отец алкоголиком был, мать больная, вот с детства по дому сама все делала, пока брат не подрос.

- Сколько ж вам лет?

- Двадцать пять, а что? Старухой кажусь?

- Да нет, наоборот. – Ответил я, а мы тем временем прошли по темному коридору и вошли в большую комнату, посреди которой стояла большая кровать. Разглядеть бестелесную старушку было почти невозможно, она занимала так мало места, что почти не выступала под одеялом. Лицо ее было безжизненно, глаза погасшие, дыхания не слышно.

- Здравствуйте. – Машинально ляпнул я, поняв, что она вряд ли меня слышит.

Но, как выяснилось, я ошибался. Голова старушки медленно наклонилась в мою сторону, глаза чуть прищурились. Посмотрев на меня несколько секунд, она ответила:

- Здравствуйте, молодой человек.

Голос был тихий, но назвать его безжизненным я посчитал бы неправильным. Скорее, слишком живой. Тут же в комнате снова возникла Валя и всучила мне два очень увесистых пакета с мусором.

- Где урна стоит знаешь? – Уточнила она.

- Во дворе? – Хоть сто раз и видел, но все равно уточнил.

- Она самая, смотри на лестнице не убейся!

- Здесь нельзя убиться. – От этой фразы я вздрогнул.

Старушка поднялась на локтях, глаза ее были широко раскрыты, она посмотрела на окно, потом повернулась ко мне. Ее руки были похожи на обтянутые кожей кости, а футболка, которую и на куклу не натянешь, была ей велика. Затем, как мне показалось, со злостью, старуха сказала:

- В этом доме нет смерти!

Я понял, что у нее начинается истерика, Валя поспешила выпроводить меня в коридор.

- Извини, она уже несколько лет никого, кроме меня, не видела, вот и злится. – Сказала Валя, - Мусор можешь вместе с мешками выбросить, я к тебе минут через десять зайду. Ой, ничего, что на «ты»?

- Ты б еще через месяц спросила. – Ухмыльнулся я, - Можешь звать меня Лёней, как Брежнева, я не против. Заходи, я чаю вскипячу... Ёлы-палы! Я ж чайник не выключил!

Со скоростью метеора я полетел вниз. Пробегая по двору, зашвырнул мешки в мусорные баки, словно весили они как пушинка, и рванул домой. Отперев дверь, услышал надрывный свист чайника и выключил газ. Да уж, ситуация!

Подкинув дров в котелок, я перетащил в кухню холодильник, поскольку таскать продукты из комнаты мне поднадоело. Какой-то тяжелый осадок на душе остался от этого похода в чужую квартиру. Эта фраза «В этом доме нет смерти!», да и похожая на нее, которую злобно плюнул Борис, этот взгляд старухи, злость в голосе. Ее можно понять: столько лет без движения, одиночество, а тут новый человек в ее жизненном пространстве. Может, что-то не то сказал? Или ей не понравилось, что зашел в ее комнату? Нет, на хрен, больше никуда и ни к кому не пойду, странный здесь народ какой-то!

Когда я за раздумьями соорудил вместо двух, шесть бутербродов, в дверь постучали. Не спрашивая, я открыл дверь. На пороге, как я и ожидал, стояла Валя.

- Проходи, хоть чаю выпьешь. – Пригласил я.

- От чая не откажусь, сегодня с десяти утра на ногах, устала, как собака.

Валя сняла пальто, под которым оказались темные брюки и вязанный красный свитер, прошла в кухню. Я налил ей чаю, затем придвинул тарелку с бутербродами.

- Нет, спасибо, только чай! – Запротестовала она.

- Неприлично таким отказом обижать хозяина! – Покачал головой я, - Сама сказала, что с десяти утра на ногах, вряд ли было время пообедать.

- Ты, часом, не врач?

- Не часом – уже несколько лет. – Ответил я, сев за столик напротив нее. – Скажи мне, что за идиотскую фразу все говорят, что в этом доме нет смерти?

- Не обращай внимания, просто Марта Игоревна сегодня не в духе. – Ответила Валя, - Бывает.

- Ну, положи руку на сердце, она не первая уже говорит мне эту фразу. – Заметил я.

- Не слушай местных, у них от этой монотонной жизни уже крыша едет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.